

12+

Светлана Июньская

ВЕЧНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ

Эпизоды из памяти души

Светлана Июньская

**Вечность во времени.
Эпизоды из памяти души**

«Издательские решения»

Июньская С.

Вечность во времени. Эпизоды из памяти души / С. Июньская —
«Издательские решения»,

Короткие моменты, запечатлённые в самых потаённых глубинах памяти
и проявленные именно сейчас. С благодарностью посвящаю психологу Наташе
Полюк.

Содержание

Ведьма	6
Софос	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вечность во времени Эпизоды из памяти души

Светлана Июньская

Посвящаю Наташе Полюк

© Светлана Июньская, 2026

ISBN 978-5-0070-0726-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведьма

Марва присела на скамью у стены своего дома и стала смотреть на пламя костра. Огонь метался суетно, беспокойно, а вокруг стоял тихий летний вечер, это настораживало Марву и заставляло прислушиваться к ближнему пространству. Видимо, она задремала — сказала усталость летних дней с их трудами, и очнулась от тяжёлого тычка в косточку голеностопа. Марва вздрогнула, открыла глаза. Рядом с нею стоял человек. Свет искрящего пламени показывал чёрное длинное одеяние с большим металлическим крестом, висящим на длинной цепи. Марва поднялась, всмотрелась в лицо. Оно было незнакомым, словно восковым и каким-то... странным.

— Слышал, ты людей лечишь? — тихо процедил человек. Марва молчала. К ней, простой травнице, пришёл человек из церкви, да ещё ночью — сердце сильно стукнуло, а потом сжалось и она невольно обняла себя за плечи.

— Посмотри, — велел человек, подошёл близко к костру и спустил одеяние. По желтоватому телу были разбросаны язвы. Большие, маленькие, мокрые, некоторые с кровоподтёками.

— Давно это? — спросила Марва. Она никогда не встречала ничего похожего, но тут же вспомнила слова своей бабки: «Если видишь нечистое на коже — всегда бери дёготь».

— С прошлого лета, — в хриплом голосе читалось выжидательное подозрение.

— Жди, принесу снадобье, — Марва кивнула на скамью и пошла в дом. Кошка, сидевшая на окне, вдруг подскочила на месте, выгнулась дугой, наградила хозяйку истошным криком и забилась под лежанку.

— Чего ты? — удивилась Марва. Налила молока в плошку, поставила перед лежанкой и стала переставлять на полках свои горшки, в потёмках разыскивая нужный. Она точно знала, что горшочек с дегтярным снадобьем, приготовленным ею накануне, был где-то здесь, но найти его никак не могла. Человек за дверью ждал, а первая капля досады уже задрожала в руках, когда она просто запнулась об эту проклятую банку, стоящую на полу. Зачерпнула ложкой довольно много, выложила на досочку, понесла к костру. В горячую ароматную массу опустила гусиное перо и, подозревая к себе гостя, стала старательно обмазывать раны. Тем временем ночь совсем сгустилась, и только искрящий костерок неустанно полыхал, согревая травницу и больного.

— Готово. Завтра вечером искупаешься в дальнем водопаде, только непременно в нём, а не в ближнем и не в реке, потом придёшь сюда.

Человек молча накинул одежду.

Марва смотрела в уходящий чёрный силуэт, пока он не растворился в темноте и чувала, как нутро её сжимается и холодеет, а пульс добрался до висков. «Что, что?» — она никак не могла понять, откуда страх. Образ церковника, стоящий перед глазами, вызывал слабую тошноту. Что всё-таки было странным в его лице? Что так отталкивало? Она решила назавтра приглядеться к нему получше, вскипятила воды и заварила чай. Потягивая кипяток, вспоминала весь минувший день, что казался ей бесконечным, так много было ходьбы по летнему лугу, где наполнились целебные травы и только ждали её, Марву, чтоб отдаться мягким рукам и оказаться в лекарственном венике или в кружке горячего отвара. Кошка успокоилась, устроилась рядом, заворкотала. Марва лишь опустила веки, и тут же пришло яркое видение — грустное лицо давно ушедшей бабушки с тяжёлыми слезами и губы, которые что-то шепчут, но что именно — Марва понять не может.

Она очнулась в горячем поту, села. Сердце колотилось так, что мокро шлёпалось о грудь и не давало толком вдохнуть. Осторожно встала с лежанки, дошла до стола, глотнула остатки чая. Снова лечь показалось боязно. Она завернулась в тёплую накидку, уселась в кресло-качалку, незаметно согрелась и забылась...

Предрассветный крик соседского петуха коснулся глубочайшей струны сознания и снова явил образ бабушки. «Что, что?» — ясно возник в голове вопрос. «Беги! Беги быстро!» — мгновенно возник ответ. Марва вздрогнула и очнулась. Весь день она провела сама не своя, всё вспоминала яркое видение и раздумывала над услышанным. Уходить, переселяться, но — куда? В этом доме она родилась, здесь всегда жила, знала окрестности и зналась с охотниками, всегда была с куском хлеба. А тёплое, свежее лето только начиналось, разливалось красотой и теплом, согревало и распускало поднявшуюся было тревогу.

Лишь стемнело, человек с крестом стоял у костра, а Марва уже грела над огнём порцию дегтярной мази. Язвы на жёлтом теле явно подсохли, она снова касалась их гусиным пером, а человек не сводил взгляда с её рук. Когда она закончила, то не успела поднять глаза и рассмотреть его лицо — он быстро повернулся и пошёл прочь, на ходу набрасывая на себя одежду. Марва посмотрела на жгучие языки пламени и пошла спать.

Она провалилась в сон словно в глубокий — глубокий колодец и оказавшись там, на самом дне, подняла голову и увидела над собою бесконечно далёкий и тусклый Пояс Ориона. Стены колодца колко сдавили плечи, а потом и сердце, но пробудиться никак не получалось. Она изо всех сил мотала головой, но никак не просыпалась. И сквозь этот свинцовый морок вдруг услышала незнакомый грохот, где-то совсем близко и что-то вонючее набросилось на лицо, сдавило рот и нос, и много огромных грубых лап разом схватили её тело, стащили с лежанки и поволокли по полу, по ступеням, по земле, наступая на волосы и ударяя коленями по голове.

Она очнулась и застонала от холодной воды, что кто-то больно выплеснул на голову. В кромешной ночной темени почувствовала под спиною что-то твёрдое, а в коленях и в локтях впившиеся намертво колючие грубые бечёвки. Тряпки на лице больше не было, но грудь сдавливала такая же бечёвка, что душила и резала на части. Марва, пытаясь хоть как-то облегчить грудь, выдохнула поглубже и в тот же миг верёвка вжалась сильнее. Она сообразила, что кто-то слушает её дыхание и сдавливает сердце. Она замерла, стараясь сберечь каждую каплю воздуха. Боясь открыть глаза, прислушалась. Шорохи — много, близко, движение воздуха, словно кто-то передвигается, но молча.

И вот, сквозь веки увиделось пламя и жар его окатил голову. Марва невольно открыла глаза и вздрогнула. Её дом обложен был огнём, а она сама, припаянная спиною к широкой доске, находилась в десяти шагах от него. Доска дыбом прислонена была к ближнему дубу и ничто не мешало Марве ни смотреть на пламя, ни вспыхнуть самой. Вокруг никого больше не было — адский огонь разогнал зрителей. Бревенчатые стены, да в сухое летнее время полыхали в полную мощь и освещали и накаляли предутренний воздух.

Марва услышала, как волосы её стали пахнуть палевом и подумала, что хорошо бы, если б ветер подул в её сторону и она изо всех сил вдохнула бы дым и всё бы закончилось. Но ветра не было, как не было и неба — всё его пространство занимал огонь, а пекло нестерпимо лезло в глаза, в нос, обугливало губы. Марва отвернула лицо от пламени и вдруг увидела, как на дороге между пожаром и лесом возник человек.

Она узнала его силуэт — это был охотник, что часто приносил ей то медвежьих потрохов, то свежей рыбы. Образ его плавился в струящемся мареве и последнее, что Марва увидела — как он быстро снимает с плеча лук и вкладывает в него стрелу. Острый удар выбил из груди последнюю благодарность и лёгкая, горячая душа воспарила к Поясу Ориона.

Софос

Прохладная ночь и густые звёзды накрывают Ойкумену. Волны, повинувшись низкой Селене, лениво набегают, неся на берег запахи соли и водорослей, рассыпаются в белой пене и уходят, чтобы тут же вернуться. Но, Софос не смотрит ни на воду, ни на красно-жёлтое лунное mareво. Он сидит на самом краю дощатого пирса и ждёт, обратившись в слух. И хотя шум стихии заглушает женский стон, что доносится из лодки, крепко привязанной к пирсу, он чувствует его всем своим нутром. Как будто нет никакого крепкого каркаса, вышколенного в ежедневных тренировках, а есть лишь оголённое сердце, горячий стук которого бьёт в виски.

По обычаям его времён, женщина рождает там, где хочет и помогает ей близкая женщина — подруга, мать или сестра. Его жена Ференика — в лодке. Она лежит на дне, выстеленном толстыми шкурами, её спина приподнята, её плечи — на руках подруги. Пальцы рук со вздувшимися венами вцепились в концы верёвки, маленькие ступни упираются в перекладину. Дыхание — одно на двоих — Танит чувствует руками, когда нужно продлить выдох и довести его до предела, до самой попки младенца, мягко вытолкнуть его изнутри. Выдох за выдохом, усилие за усилием, потные волосы прилипли к их лицам, Ференика дрожит от слабости и стихает вместе с волнами, а воздух начинает светлеть...

Софос сходит в лодку, повинувшись взгляду Танит, и по её же знаку кладёт ладони на живот жены, уверенно направляет дитя и помогает ему выйти в рассветное утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.